

и тотъ же, была-ли употреблена въ опытѣ хлоралоза, или молочный сахаръ, или, наконецъ, порошокъ глины.

Опыты на вырѣзанномъ нервѣ дали результаты, вполне совпавшіе съ описанными въ работѣ Введенскаго. Подобно хлоралозѣ дѣйствуетъ и кокаинъ. О появленіи тока дѣйствія въ недѣлительномъ нервѣ въ этихъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи.

Въ послѣдней работѣ, Борюттау къ только что высказаннымъ соображеніямъ добавляетъ слѣдующее. Въ опытахъ, подобныхъ описаннымъ, гдѣ приходится встрѣчать указанія, что при отсутствіи мышечной реакціи удается наблюдать отрицательное колебаніе, хотя и небольшое, но несомнѣнное (Радзиковскій), дѣло сводится къ тому, что гальванометръ, какъ искусственный концевой органъ являлся болѣе чувствительнымъ, чѣмъ естественный,—мышца. Еще полѣстолѣтія тому назадъ Дюбуа Раймонъ указалъ, что при чувствительномъ гальванометрѣ порогъ раздраженія для отрицательнаго колебанія лежитъ глубже, чѣмъ для мышечнаго сокращенія. Подобныя отношенія найдены такъ же Валлеромъ и авторомъ для обыкновенныхъ препаратовъ, особенно полежавшихъ. Съ другой стороны, у очень сильныхъ экземпляровъ, въ особенности выдержанныхъ на холоду, чувствительность мышцы настолько велика, что для появленія мышечныхъ сокращеній требуются раздраженія меньшей силы, чѣмъ для отрицательнаго колебанія. При обсужденіи результатовъ, гдѣ имѣются слабыя мышечныя сокращенія, или слабыя явленія отрицательнаго колебанія, эти факты должны быть приняты во вниманіе.

Д. Полумордвиновъ.

Paul Julius Möbius. Ueber das pathologische bei Nietzsche. Wiesbaden. 1902.

Ницше въ своей личной судьбѣ былъ такъ несчастенъ, что къ его философскимъ произведеніямъ можно подходить съ необычнымъ критеріемъ психіатріи. Намъ припоминается еще Огюсть Контъ, который во второмъ періодѣ своей философской дѣятельности тоже обратилъ на себя вниманіе психіатровъ. *Möbius* задался цѣлю прослѣдить, въ какой мѣрѣ и въ какихъ произведеніяхъ Ницше сказывается влияніе душевной болѣзни, которою страдалъ этотъ мыслитель въ по-

слѣдніе годы своей жизни. Въ публикѣ распространенъ взглядъ, будто своеобразная философія Ницше тѣсно связана съ его недугомъ, возникшимъ на почвѣ умственнаго переутомленія. Неосновательность такого убѣжденія очень легко понять, если вспомнить, что прогрессивный параличъ, которымъ страдалъ Ницше,—болѣзнь *экогенная*, результатъ отравленія организма. Правда, анамнестическія данныя указываютъ, что гениальный философъ страдалъ хронической формой мигрени и проявлялъ нѣкоторые симптомы „душевной дисгармоніи“ на почвѣ наследственнаго отягощенія. Весьма важнымъ представляется выяснить, началось ли страданіе Ницше въ періодъ его творческаго расцвѣта и насколько оно отразилось на характерѣ и содержаніи его оригинальной мысли. Трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вполне точно установить начало прогрессивнаго паралича, тѣмъ менѣе возможно прослѣдить начало недуга у Ницше, страдавшаго мигренью и злоупотреблявшаго хлораломъ. Мигрень перешла къ нему наследственно, форма ея—атипическая. Въ 71 г. Ницше перенесъ желтуху и воспаленіе кишекъ. Вскорѣ онъ сталъ страдать бессонницей и уѣхалъ по совѣту врачей въ Италію; 6-ти недѣльное пребываніе въ Лугано значительно возстановило его силы; въ 73 г. Ницше переноситъ болѣзнь глазъ (вѣроятно, *chorioiditis*) и долгое время страдаетъ расширеніемъ желудка. Повидимому, авторъ „Заратустры“ давно обнаруживалъ симптомы нервозности; Ницше—потомокъ невропатической семьи. Отецъ его умеръ отъ какой-то мозговой болѣзни. Въ 76 г. Ницше писалъ своему другу; „мой отецъ умеръ на 36 году отъ воспаленія мозга“. Со словъ его родныхъ и домашнихъ врачей можно установить, что отецъ философа, пасторъ, страдалъ эпилептоидными припадками; послѣ одного паденія болѣзнь усилилась; незадолго до смерти онъ ослѣпъ. Есть основаніе предполагать въ данномъ случаѣ опухоль мозга, т. е. болѣзнь *не передающуюся* наследственно. Отъ своего отца Ницше унаслѣдовалъ музыкальный талантъ, крѣпкое тѣлосложеніе, міопію и, какъ сказано, мигрени. Мать его была женщина умная, ей онъ обязанъ своими поэтическими задатками и богатой фантазіей. Одна изъ тетокъ философа покончила жизнь самоубійствомъ. Ницше отличался, какъ уже было упомянуто, крѣпкимъ сложеніемъ и хорошимъ питаніемъ. Окружность его черепа—57 см. Лѣвая половина лба болѣе выпукла, нежели правая; лѣвая глазная щель уже правой. Вообще за-

мѣтныхъ физическихъ признаковъ вырожденія не было. Еще будучи ученикомъ, Ницше питалъ особое влеченіе къ музыкѣ, которой очень прилежно занимался. Результатомъ его музыкальнаго таланта явились нѣкоторыя композиціи. Въ 87 г. онъ написалъ Requiem, какъ бы привѣтственную пѣснь собственной смерти. На ряду съ музыкальными способностями Ницше очень рано сталъ обнаруживать творческій талантъ. 4-хъ лѣтнимъ мальчикомъ онъ уже могъ читать и писать, шести лѣтъ—онъ съ чувствомъ читалъ наизусть молитвы, такъ что его прозвали „маленькимъ пасторомъ“. Черезъ нѣсколько лѣтъ Ницше начинаетъ сочинять фантастическіе рассказы, 13 лѣтъ пишетъ свою первую біографію. Съ этого періода творческая искра все болѣе и болѣе разгоралась. Нѣкоторыя его лирическія произведенія *Ziegler* называетъ перлами. Очень трудно давалась Ницше математика, которой онъ не любилъ. Его влекло къ философіи, особенно метафизической. „Міръ какъ воля и представленіе“ Шопенгауэра глубоко волновалъ молодого философа, и Шопенгауэра онъ считалъ своимъ воспитателемъ ¹⁾. Философъ-теоретикъ Ницше ступевывается предъ философомъ-практикомъ. Онъ прежде всего моралистъ. На ряду съ метафизикой объектомъ его насмѣшки является скептицизмъ ²⁾. Характеръ этого великаго чловѣка отличался мягкостью, уступчивостью. Если въ немъ и была нѣкоторая доля жестокости, то онъ проявлялъ ее только какъ писатель въ полемикѣ. Непреклонная воля, неустрашимость, энергія и самолюбіе, доходившее до тщеславія—отличали его среди всѣхъ его сверстниковъ: такъ напр. онъ гордился своимъ знакомствомъ съ знатными лицами. Это же проглядывало въ тонѣ его позднѣйшихъ произведеній, въ его нараставшемъ ожесточеніи, стремленіи побѣдить противниковъ, его озлобленіи противъ Германіи, ненасытномъ исканіи сочувствія и одобренія ³⁾. Характерной чертой, которая

¹⁾ Какъ извѣстно, ученіе Ницше носитъ въ нѣкоторой мѣрѣ характеръ пересѣнки философіи Шопенгауэра.

²⁾ *Vaihinger* сводитъ философію Ницше къ слѣдующимъ 7 пунктамъ: антиморальная тенденція, антидемократическая, антифеминистическая, антиинтеллектуальная, антипессимистическая, антирелигіозная и антисоціальная.

Примѣч. ред.

³⁾ Какъ извѣстно, онъ считалъ себя потомкомъ польскихъ аристовъ.

собственно составляла болѣзненное ядро въ психической конституціи Ницше, было отсутствіе чувства мѣры, т. е. недостатокъ благоразумія, склонность къ преувеличенію, къ фанатизму.

Экзальтативное восхищеніе чужими идеями уступаетъ мѣсто самопоклоненію. То, что вчера считалось кумиромъ, сегодня безжалостно повергается въ прахъ. Последнее можно отчасти приписать возрасту: вѣдь молодежь можетъ пьянѣть безъ вина. Со своими товарищами Ницше поддерживалъ дружескія отношенія. Влеченіе къ равесникамъ проявлялось у него тѣмъ болѣе, что онъ неохотно знался съ женщинами и былъ пуританиномъ, хотя самъ считалъ дѣвственность „безполезной полудобродѣтелью“. Студентомъ Ницше отличался скромностью и не принималъ участія въ попойкахъ. Въ алкоголизмъ онъ видѣлъ причину вырожденія. Авторъ не усматриваетъ у Ницше признаковъ неврастенія, меланхоліи или навязчивыхъ идей, считая его лишь въ нѣкоторой степени дегенерантомъ. Ницше чувствовалъ особое влеченіе къ больнымъ людямъ (*les nerveux se recherchent*). Его любимцами были Шуманъ, Вагнеръ, Шопенгауэръ, Гёльдерлинъ, Флоберъ, Боделеръ, Достоевскій, Паскаль. Замѣчательно, что идеи Ницше тождественны съ взглядами нѣкоторыхъ эстетовъ и „одержимыхъ“ героевъ. Первые философскія работы Ницше были страстны и чрезмѣрно напыщены, но увлекательны. Книга о происхожденіи трагедіи задѣла многихъ филологовъ, но философы признали его авторитетъ. По этому поводу *Ribbeck* писалъ: „это произведеніе—искусственный философскій диониромбъ въ духѣ Шопенгауэра и Вагнера, въ немъ бродитъ молодое вино плѣнительнаго безумія, но въ общемъ онъ очень интересенъ, этотъ родъ *ingenii* можетъ освѣжить нашу заплѣсневѣвшую филологію“. Особенно замѣчательны въ этой книгѣ гимны Діонису; впоследствии они снова вспыхнули у больного Ницше. Интересно отмѣтить при этомъ, что Діонисъ—богъ истеріи. Его культъ напоминаетъ существующій нынѣ на востокѣ культъ религіознаго самобичеванія. Появленіе Діониса изъ Фракіи въ Грецію порождало массовый энтузіазмъ, сходный съ эпидеміей среднихъ вѣковъ. „Несвоевременныя размышленія“ носятъ полемическій характеръ; быть можетъ, это лучшее, что написалъ Ницше. Если показать юношескія произведенія Ницше опытному врачу, не знающему о позднѣйшихъ событіяхъ его жизни, то онъ скажетъ: „авторъ

не только даровитый человекъ, но и очень нервный"—но заподозрить душевное заболѣваніе было-бы невозможно. Когда появилось „человѣческое, слишкомъ человѣческое"—оно изумило всѣхъ, и многіе называли автора душевно-больнымъ. Въ настоящее время мы относимся сдержаннѣе къ этому труду Ницше, нежели читатели 78-го года. Хотя произведение это изобилуетъ многими неясными идеями и даже неоригинальными, но тамъ все же много своеобразнаго и интереснаго. Слѣдовъ душевнаго заболѣванія не обнаруживается въ немъ. Характерно только одно: форма. Ницше, въ силу особенностей своей умственной природы, отчасти и въ силу болѣзни глазъ, мѣшавшей ему сосредоточиваться на пространномъ и діалектическомъ развитіи мыслей, прибѣгалъ къ афоризмамъ, онъ былъ, если можно выразиться, рабомъ афоризма и самъ сознавалъ это. Но то, что подобаетъ фельетонисту, не вправѣ дѣлать строгій мыслитель. Всѣ его недостатки проявились въ этомъ стилѣ: нетерпѣливость, непостоянство, односторонность, высокомеріе. Обширный запасъ мыслей и наблюденій, отрывочно и скачками изложенный, представляется труднымъ для чтенія, вниманіе разсѣивается, возникаетъ раздраженіе и неудовольствіе; но шагъ за шагомъ удается уловить основныя идеи и воззрѣнія автора, какъ напр. ниспроверженіе старой морали. Въ Ницше были двѣ души: одна стремилась къ диопрамбамъ, другая, холодная и критическая, трепетала вызовомъ и угрозой. Если въ юношескомъ возрастѣ царилъ первая, то теперь наступила очередь второй. Но реакція была неизбежна и она проявилась въ усовершенствованіи рѣчи. Проза Ницше была въ этотъ періодъ „зрѣлой и сладкой". Но на ряду съ измѣненіями въ нормальномъ направленіи замѣчается усиленіе болѣзненной возбудимости, манерности выраженій. Все же въ этотъ періодъ еще нельзя найти слѣдовъ прогрессивнаго паралича... Авторъ приходитъ къ заключенію, что уже „Заратустра" носитъ явные слѣды душевной болѣзни. Уже конецъ 4-го тома „Веселой науки" внушаетъ нѣкоторое подозрѣніе. Словами „incipit tragoedia" Ницше начинаетъ свою душевную трагедію.... Болѣзнь Ницше вначалѣ затронула не интеллектъ его, а главнымъ образомъ *сферу чувствъ*. Здѣсь особенно бросается въ глаза *euphoria*, переоцѣнка своего самочувствія. Достаточно указать на его приписки; „написано въ прекрасномъ мѣсяцѣ январѣ 1882 г.", „даръ одного мѣсяца", какъ

назвалъ Ницше свое произведеніе. 4-й томъ сочиненій начинается эпиграфомъ „Sanctus Ianuarius“, далѣе приписка „изъ счастливаго уединенія мыслителя“. Весьма вѣроятно, что еще раньше бывали небольшія вспышки болѣзни. Ницше, какъ видно изъ 2-й части „Несвоевременныхъ размышленій“, смѣялся надъ ученіемъ Пифагорейцевъ о вѣчномъ возвращеніи всѣхъ вещей. Если въ 81 г. ему приходитъ на умъ та же мысль и онъ чувствуетъ себя потрясеннымъ ею, какъ страшной истиной, то мы имѣемъ право думать о психической ненормальности. Все ученіе о вѣчномъ возвращеніи самое слабое, что Ницше произвелъ. Это было его послѣдней бездной, гдѣ потонула его здоровая мысль. Въ январѣ 83 г. снова замѣчается взрывъ экзальтаціи; январь и февраль мѣсяцы онъ провелъ въ Rapallo. По его словамъ, онъ написалъ каждую изъ 3 частей „Заратустры“ въ теченіе десяти дней. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ главы „Заратустры“ были написаны невѣроятно быстро (*внушаемость*). Именно въ это время Ницше говорилъ, будто каждая отдѣльная строка была написана по наитію свыше. Этого нельзя назвать „*furor poeticus*“, это прямо указываетъ, что „Заратустра“—плодъ патологическаго состоянія автора. Но нельзя не упомянуть, что это произведеніе имѣетъ свои достоинства и что не все нелѣпое и чудовищное въ немъ можно отнести къ параличу. Дѣло въ томъ, что существуетъ мнѣніе, будто при прогрессивномъ параличѣ можно изрѣдка наблюдать усиленіе творческой дѣятельности (*Farant* и др.), такъ какъ параличъ—заболѣваніе локализованное, очаговое; подъ вліяніемъ гипереміи мозга (?) можетъ быть временный подъемъ творчества не въ сферѣ, конечно, серьезнаго мышленія, а скорѣе поэтической фантазіи и краснорѣчія, какъ это наблюдается нерѣдко у алкоголиковъ.

Дѣйствительно, можно предположить, что Ницше не могъ бы произвести своего „Заратустры“ безъ мозговаго импульса. Въ его другихъ произведеніяхъ красоты рѣчи и поэтическая образность мало по-малу блѣднѣютъ, въ „Заратустрѣ“ же нѣтъ никакихъ слѣдовъ психическаго утомленія, тамъ все время рельефно выступаютъ образцы недюжиннаго творчества и энергіи и скорѣе устааетъ читатель, нежели авторъ ¹⁾. Но помимо начала душевной болѣзни надо въ дан-

¹⁾ Вообще, необыкновенная образность мышленія Ницше, преобладавшая надъ логическою способностью и даже подавлявшая ее, можетъ счи-

номъ случаѣ принять во вниманіе также непостоянство характера Ницше, усиленіе нервозности на почвѣ хронической *serphalalgі'a*, вліяніе скитальческаго образа жизни, одиночества, конфликтовъ съ окружающими, равнодушіе публики и наконецъ привычка къ хлоралу. Несомнѣнно, что послѣднему обязаны грезы, которыми изобилуетъ „Заратустра“, тотъ капризный полетъ мысли и чувства, который поражаетъ читателя.

Строго говоря, если разобраться въ „Заратустрѣ“, то можно видѣть, что въ сущности мы сталкиваемся тамъ съ обыденными людьми, которыхъ можно встрѣтить всюду. *Наиманн* въ своихъ комментаріяхъ къ „Заратустрѣ“ говоритъ, что только эстетическій принципъ, личный вкусъ, образное мышленіе обнаруживаютъ въ этомъ произведеніи извѣстную послѣдовательность и единство, наоборотъ тщетно будемъ мы искать логическаго равновѣсія въ этой стихійной образности мышленія. Въ первыхъ главахъ особую роль играетъ „сверхчеловѣкъ“. Уже многіе критики указывали, какимъ скуднымъ представляется этотъ образъ. Начало прогрессивнаго паралича даетъ между прочимъ картину ослабленія чувства вкуса и нѣжности, такта, скромности и стыдливости. Очень ясно у Ницше патологическое отсутствіе эстетическаго вкуса, напр. выраженіе въ родѣ: „испейте млека и усладъ изъ вымени свѣта!“; въ другомъ мѣстѣ сравненія друзей съ абсцессами, и т. д.

Въ 4-й части книги проявленіе болѣзни выступаетъ рельефнѣе. Нарушеніе задерживающихъ функцій прогрессируетъ здѣсь; объ упадкѣ интеллектуальной способности еще не можетъ быть рѣчи, на первый планъ выступаютъ его завытныя идеи: борьба съ слабостью, состраданіе, хвала мощи и власти, вражда къ христіанству. На ряду съ этимъ усиливается отсутствіе эстетическаго вкуса и здраваго мышленія, ясный бредъ величія.

Довольно туманно и нелогично рассказываетъ авторъ о „высшихъ людяхъ“ (т. е. *dégénérés supérieurs*). Примѣромъ бредовыхъ идей можетъ служить выраженіе: „я ищу истаго,

таться несомнѣннымъ психопатологическимъ симптомомъ. Для того, чтобы мыслить, Ницше долженъ былъ непремѣнно воплощать свои мысли въ образцы,—иначе онъ не могъ.

Реф.

чистаго, смысломъ единаго, всесправедливаго, кладезь знаній, великаго человѣка; развѣ ты этаго не знаешь, Заратустра? Я ишу Заратустру!“

Похотливость видна изъ слѣдующей фразы: „я думаю, вы похожи на тѣхъ, которые долго смотрѣли на нагихъ пляшущихъ дѣвушекъ“. Нельзя сказать, что болѣзнь вызываетъ похотливость и цинизмъ, послѣдніе въ каждомъ изъ насъ найдутся и разъ болѣзнь уничтожаетъ чувства стыдливости, они и проявляются наружу. Не слѣдуетъ думать, что Ницше былъ похотливѣе другихъ, но это обстоятельство указываетъ, что мозговое страданіе нарушило именно моральную сферу.

Самая противная черта въ образѣ Ницше—его мальчишескія издѣвательства надъ христіанскимъ ученіемъ и догматами—обязана его болѣзни. Богохульство въ „Заратустрѣ“ еще рѣзче, нежели безпутная брань въ „Антихристѣ“. Всѣ мысли Ницше въ „По ту сторону добра и зла“ сводятся къ тому, что „сильные тѣломъ и духомъ—лучшіе люди“. Если бы Ницше былъ въ состояніи развить свою идею путемъ біологическимъ, то онъ создалъ бы безъ сомнѣнія нѣчто выдающееся, но знаній біологіи у него не было. Обостренность самосознанія и появившаяся душевная болѣзнь усилили его неспокойное настроеніе, довели его сомнѣніе до степени бреда, отняли у него осторожность и скромность, и все превратилось въ карикатуру.

Въ психологіи Ницше проглядываютъ многообѣщающіе зачатки. Его ученіе о томъ, что „я“—продуктъ общества, совмѣстное народженіе многихъ душъ—въ основѣ своей ново, но правильно. Если бы ему удалось выяснить себѣ сущность инстинктовъ и склонностей, о которыхъ онъ такъ часто говоритъ и все это привести въ стройную систему, то онъ сталъ бы выдающимся изслѣдователемъ въ психологіи. Повидимому, у него мелькали идеи, родственныя идеямъ Галля и, быть можетъ, онъ предполагалъ, что онъ разрѣшатъ моральную проблему, которая его занимала. Повятому это требуетъ терпѣнія и знакомства съ различными типами человѣка, а это было не въ натурѣ нетерпѣливаго Ницше. Вообще же можно сказать, что не смотря на болѣзнь, основныя идеи Ницше очень цѣнны. Послѣ „По ту сторону добра и зла“ Ницше написалъ: „Къ генеалогіи морали, полемика“. Работа написана ускореннымъ темпомъ, но въ тонѣ солиднаго ученаго, безъ какихъ-либо умственныхъ выхонокъ. Это сочиненіе

написано въ свѣтломъ промежуткѣ болѣзни. Въ 86 г. Ницше пишетъ *Seidlitz*'у: „когда философъ боленъ, то это уже почти аргументъ противъ его философіи. Я долженъ обратить вниманіе на то, что я поразительно быстро поправляюсь съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь философіей и не служу болѣе ложнымъ кумирамъ“. Но его *euphoria* продолжается недолго, она смѣняется печальнымъ настроеніемъ и чувствомъ одиночества, какъ это видно изъ многихъ писемъ Ницше. Въ этотъ періодъ времени у него замѣчается *шадкая походка*, какіе-то *припадки*, неаккуратность въ уходѣ за собой, страхъ за свою жизнь. Второй періодъ усиленной продуктивности Ницше относится къ 88 году: въ теченіе 8 мѣсяцевъ онъ написалъ шесть сочиненій: „Дѣло о Вагнерѣ“, „*Nietzsche contra Wagner*“, „Воленіе мощи“, (1-ю часть) „Сумерки боговъ“, „Гимнъ Діонису“ и автобіографическія замѣтки подъ заглавіемъ: „*esse homo*“. Все это переписано и корректуровано имъ самимъ.

Вагнера онъ называетъ „неврозомъ“, „Протеемъ вырожденія“, „Каліостро современности“, его искусство — „больнымъ“, его проблемы — „истерическими“ и упоминаетъ обо его „конвульсивныхъ аффектахъ“. Вся эта характеристика можетъ быть смѣло отнесена къ Ницше. Въ это же самое время Ницше говоритъ: „я подарилъ нѣмцамъ самыя глубокія книги, какія они когда либо имѣли — достаточно для того, чтобы они ничего не поняли“... „Генеалогія морали имѣетъ счастье быть доступной только для самаго глубокаго ума, для остальныхъ же это недоступно“. Въ „Антихристѣ“ мы встрѣчаемъ чисто дѣтскія разсужденія, ошибки въ историческихъ фактахъ, необычное ожесточеніе, вызванное болѣзненнымъ состояніемъ. Патологическая спѣсь и *euphoria* на ряду съ тоскливымъ настроеніемъ проглядываетъ въ „гимнахъ“. Въ 88 г. Ницше написалъ „*esse homo*“. Въ предисловіи къ этой автобіографіи замѣтно обнаруживается повышенное самочувствіе. Ницше пишетъ: „въ этотъ чудный день, когда все цвѣтеть, на мою жизнь палъ лучезарный блескъ, кругомъ меня очарованіе; не напрасно я похоронилъ сегодня свой 24-й годъ; что въ немъ было жизни, то я спасъ, то *безсмертно*; первая книга „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“, „пѣсни Заратустры“, „Сумерки боговъ“, моя попытка философствовать съ молотомъ въ рукахъ — все это дары этого года, даже его послѣдней четверти

какое чувство благодарности я испытываю! Итакъ я расскажу свою біографію“... „Письма“ 88 г. замѣчательны по своему почерку: буквы большія, неровныя, штрихи грубые, обнаруживаютъ дрожаніе и нетвердость руки. Въ одномъ мѣстѣ писемъ сказано: „рукопись почти отпечатана, она была уже однажды мнѣ возвращена по неразборчивости“; замѣтнаго пропуска слоговъ не было. Многія письма полны бреда величія: такъ напр. „Заратустру“ Ницше называетъ „библіей человечества“, которая должна быть переведена на семь языковъ и разойтись въ „милліонахъ экземпляровъ“. „Милліоны“—это, такъ сказать, символъ обычнаго бреда паралитика. Въ дальнѣйшемъ медленномъ теченіи болѣзни замѣчается рядъ эксацербаций и ремиссій, продолжительное сохраненіе интеллекта.

До 88 г. параличъ Ницше проявлялся въ прекращеніи задерживающихъ моментовъ, отсутствіе чувства усталости, *euphorii*, смѣнявшейся печальнымъ или гнѣвнымъ состояніемъ, притупленіи моральныхъ и эстетическихъ впечатлѣній. Нарушеніе психики рѣзко обнаруживалось въ началѣ января 89 г. Выйдя однажды изъ дому, Ницше упалъ, потерявъ сознание. Двое сутокъ продолжалось летаргическое состояніе, послѣ чего онъ сталъ проявлять признаки возбужденія, громко разговаривалъ съ собою, кричалъ, смѣялся. Всякія свои замѣтки онъ подписывалъ „Діонисъ“. 10-го января Ницше поступилъ въ Базельскую психіатрическую лечебницу. Исслѣдованіе выяснило у него неравномѣрность зрачковъ, вялую реакцію ихъ на свѣтъ, *strabismus convergens*, повышеніе сухожильныхъ рефлексовъ, спутанность сознанія, экзальтацію, бредъ величія (онъ воображалъ себя властелиномъ Турина). Съ 18-го января Ницше переходитъ въ Іенскую клинику, гдѣ остается до марта 1890 г. Отмѣчены бредъ величія (онъ—Фридрихъ Вильгельмъ IV), неправильная оцѣнка окружающаго. Лѣтомъ 1890 г. онъ былъ выписанъ изъ клиники; слабоуміе его прогрессировало, появились припадки, приковавшіе его къ постели. Въ 1897 г. Ницше былъ отвезенъ въ Веймаръ. 25 августа 1900 г. не стало мыслителя. Болѣзнь этого великаго человѣка тянулась 19 лѣтъ, не считая продромальнаго періода, продолжавшагося около десяти лѣтъ. Необычно долгое теченіе болѣзни! Если публика во всѣхъ произведеніяхъ Ницше готова видѣть только перлы, то ее надо предостеречь: эти перлы навязаны душевно-больнымъ

человѣкомъ. Интересны тѣ черты, которыя *Möbius* извлекаетъ изъ сочиненій гениальнаго безумца, для того, чтобы вскрыть патологическіе моменты его творчества. Но не трудно видѣть, что авторъ очень суммарно и поверхностно отнесся къ положительной, нормальной сторонѣ философіи Ницше; а только нормальное могло бы вполне отбѣнить печальныя аномаліи въ творествѣ несчастнаго Ницше.

Л. Айхенвальдъ.

P. Näcke. Die Unterbringung geisteskranker Verbrecher.
Hallea S. 1902.

Авторъ всесторонне разбираетъ вопросъ о призрѣніи душевно-больныхъ преступниковъ. Въ настоящее время видя кого не тайна, что среди обитателей тюремъ встрѣчаются душевно-больные. Они составляютъ 3—5% тюремнаго населенія. По Lenz'у — въ кантонахъ Швейцаріи находятся въ заточеніи 2—5% душевно-больныхъ, по Rauchstein'у въ тюрьмахъ Норвегіи насчитывается 1,6% психопатовъ. Allison высчиталъ, что въ нью-іоркскихъ штатахъ находится около 20.000 душевно-больныхъ, изъ нихъ 700 преступниковъ. Какъ оказывается, большая часть преступниковъ психопатовъ — „безъ вины виноватые“, такъ какъ совершили преступленія въ состояніи патологическаго аффекта; незначительная часть ихъ обнаруживаетъ признаки болѣзни въ мѣстахъ предварительнаго заключенія и только третья часть въ тюрьмахъ.

По Baker'у — въ англійскихъ тюрьмахъ въ теченіе 1894—95 г. было 389 душевно-больныхъ преступниковъ, изъ коихъ только 54 были здоровы при поступленіи въ тюрьму; изъ нихъ 14 заболѣли въ теченіе первыхъ двухъ недѣль, такъ что число такихъ, на заболѣваніе которыхъ оказала вліяніе тюремная обстановка, дисциплина и т. п. = 40 (1:2500).

Эти вычисленія показываютъ, какъ мало тюрьма сама по себѣ можетъ вызвать душевное заболѣваніе. Подобнаго рода положеніе вещей заставило человѣческое чувство гуманности заступиться за больныхъ преступниковъ и смѣло заявить, что имъ мѣсто не въ тюрьмахъ, а въ больницахъ. Но и нынѣ еще вопросъ о раціональномъ призрѣніи этихъ несчастныхъ очень мало подвинулся впередъ.